

ДОМ ДЕТСКОЙ КНИГИ

Л. КОН

ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
В ГОДЫ
ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ

ДЕТГИЗ
1953

Д О М Д Е Т С К О Й К Н И Г И Д Е Т Г И З А

Л. К О Н

**ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
В ГОДЫ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1953 Ленинград

Обложка Н. Шишовского

В истории развития советской литературы для детей, так же как и в истории всей советской культуры, годы, последовавшие непосредственно за Великой Октябрьской социалистической революцией, представляют период чрезвычайной важности.

Ведь именно в этот период, когда происходила ломка государственной машины, всего социального строя старой России, в стране, объята гражданской войной и отбивающейся от нашествия многочисленных интервентов, начался процесс невиданного в истории культурного строительства.

Поэтому для того чтобы понять ход исторического развития той или иной отрасли культуры (а следовательно, и интересующей нас детской литературы), надо хорошо представить себе те процессы, которые совершались в ней в период гражданской войны и интервенции.

Ленин в своей статье «Очередные задачи советской власти» так говорит о созидательной роли пролетарской революции в отличие от революции буржуазной: «В буржуазных революциях главная задача трудящихся масс состояла в выполнении отрицательной или разрушительной работы уничтожения феодализма, монархии, средневековья...

Напротив, главной задачей пролетариата и руководимого им беднейшего крестьянства во всякой социалистической революции, — а, следовательно, и в начатой нами 25 октября 1917 г. социалистической революции в России, — является положительная или созидательная работа...»¹

Огромная созидательная работа не только в области организационной, не только в области экономической, но и в области культурного строительства началась с самых

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 210—213.

первых дней после Октября. Среди созидательных задач Великой Октябрьской социалистической революции задачи культурного строительства занимали одно из ведущих мест.

Тяжелое наследие царизма — неграмотность народных масс составляла серьезное препятствие на пути к построению социализма. Оппортунисты всех мастей считали это препятствие непреодолимым, но В. И. Ленин подходил к вопросу иначе. «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, *а потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы», — писал Ленин в заметках «О нашей революции»¹.

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории человечества, завоевала эти предпосылки для развития культуры.

Теперь задача советской власти состояла в том, чтобы, реализуя созданные социалистической революцией возможности, ликвидировать неграмотность, сделать просвещение, культуру и искусство достоянием народа. Именно к этой цели были направлены все декреты советской власти в области культуры и просвещения, относящиеся к этому периоду.

Уже в первые дни после победы, 29 октября (ст. ст.) 1917 года, была создана комиссия по просвещению под председательством А. В. Луначарского, которая развернула энергичную деятельность. 1 ноября (ст. ст.) 1917 года она опубликовала обращение наркома просвещения, где сообщалось, что советская власть «...должна добиться в кратчайший срок *всеобщей грамотности* путем организации сети школ, отвечающих требованиям современной педагогики, и введения всеобщего обязательного и бесплатного обучения...»²

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 438.

² Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Вып. I, стр. 156.

Затем последовали декреты о введении новой, упрощенной орфографии (23 декабря 1917 года), об отделении церкви от государства и школы от церкви (21 января 1918 года), о совместном обучении (31 мая 1918 года), о бесплатном питании для школьников (6 августа 1918 года) и, наконец, в октябре 1918 года — положение о единой трудовой школе.

Наряду с этими декретами, знаменующими коренную перестройку всей школьной системы и направленными к достижению всеобщей грамотности, комиссия, а позднее Комиссариат по просвещению издает ряд постановлений, содействующих повышению общего культурного уровня населения.

Здесь нужно отметить такие мероприятия, как муниципализация всех книжных складов (25 октября 1918 года), объявление народным достоянием всех произведений классиков и постановление о широком, массовом дешевом издании их (29 декабря 1917 года) и, наконец, организация по специальному постановлению ВЦИК единого Государственного издательства (май 1919 года).

Очень характерен для этого времени и декрет о сооружении памятников выдающимся деятелям революции, ученым, писателям, художникам, композиторам, артистам с целью ознакомления с их деятельностью широких народных масс.

«Искусство принадлежит народу, — говорил Ленин. — Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, подымать их»¹.

Сделать достоянием народа все лучшее, что создано многовековой культурой человечества, и создать на основе критического освоения этой культуры новую, социалистическую культуру и новое, невиданное по своей силе и красоте, подлинно народное социалистическое искусство — вот цель, которую с самых первых дней революции поставила перед собой и неуклонно проводила в жизнь наша партия.

¹ Клара Цеткин, Воспоминания о Ленине. Сборник «Ленин о культуре и искусстве». М.—Л., «Искусство», 1938, стр. 138.

Демократизация и коренная реорганизация школы дали результаты уже в самом скором времени. К концу исследуемого периода (1920/21 учебный год) по РСФСР сеть городских школ, несмотря на все трудности этого времени, возросла на 27 процентов по сравнению с 1914/15 учебным годом, количество же средних школ в деревне увеличилось почти в тридцать раз¹.

Передовая часть педагогов с энтузиазмом принялась за перестройку школы, искание новых организационных форм и методов работы.

Для этого периода характерны оживление педагогической мысли, многочисленные съезды, конференции, дискуссии по вопросам форм организации новой школы, методов преподавания, целей воспитания. Только за 1918 год было проведено 164 учительских съездов и 81 съезд работников отделов народного образования; за 1917—1920 годы было созвано 53 всероссийских съездов и конференций.

Большое оживление царило в области искусства и литературы.

Организовалось множество всевозможных литературных объединений, творческих ассоциаций, и почти каждая из них считала нужным иметь свой орган — журнал или газету, которые часто прекращали свое существование после первого или нескольких первых номеров. Открывалось множество клубов, театров, устраивались народные спектакли, выставки, популярные лекции о литературе с выступлениями писателей, поэтов. Развернулась широкая сеть литературных кружков и студий для рабочей молодежи.

Народные массы, изголодавшиеся по культуре, искусству и просвещению, жадно тянулись к грамоте и знаниям, стремились проявить свои творческие силы.

«Трудящиеся тянутся к знанию, потому что оно необходимо им для победы, — говорил Ленин на I Всероссийском съезде по просвещению 28 августа 1918 года. — Девять десятых трудящихся масс поняли, что знание является орудием в их борьбе за освобождение, что их неудачи объясняются недостатком образования и что теперь от них са-

¹ См. П. А. Константинов и Е. Н. Медынский, Очерки по истории советской школы за 30 лет. М., Учпедгиз, 1948, стр. 51.

мих зависит сделать просвещение действительно доступным всем... Они учатся на своем собственном опыте, на своих неудачах и ошибках, они видят, насколько просвещение необходимо для победоносного окончания той борьбы, которую они ведут»¹.

Лучшие представители русской интеллигенции сразу стали на сторону революции, в их числе: К. А. Тимирязев, который с первых дней советской власти помогал ей как ученый, как популяризатор науки, как общественный деятель и публицист; Н. Е. Жуковский, создатель и руководитель института ЦАГИ, основанного в декабре 1918 года, и его ученик и соратник С. А. Чаплыгин; А. Е. Ферман, за свои заслуги перед советской наукой избранный в 1920 году в академики; великий преобразователь природы И. В. Мичурин, который был «незаметным отшельником экспериментального садоводства в царской России» и которого Великая Октябрьская социалистическая революция превратила в учителя масс; гениальный изобретатель К. Э. Циолковский.

На сторону революции сразу стал ряд крупных русских писателей с Горьким, Маяковским, Демьяном Бедным и Серафимовичем во главе.

Эти люди всю силу своих знаний, опыта, таланта стремились обратить на благо народа, на благо родной страны.

Но далеко не вся интеллигенция, от которой зависело дать массам знания, помочь уничтожить бедствие неграмотности, сразу поняла и приняла революцию.

«Наиболее влиятельная и квалифицированная часть старой интеллигенции уже в первые дни Октябрьской революции откололась от остальной массы интеллигенции, объявила борьбу Советской власти и пошла в саботажники»².

Обращаясь к участникам I Всероссийского съезда по просвещению, В. И. Ленин говорил:

«Саботаж показал нагляднее, чем любой агитатор, чем все наши речи и тысячи брошюр, что эти люди считают знание своей монополией, превращая его в орудие своего

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 69.

² И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е. Госполитиздат, 1939, стр. 607.

господства над так называемыми «низами». Они воспользовались своим образованием для того, чтобы сорвать дело социалистического строительства, открыто выступили против трудящихся масс»¹.

Именно по этому методу действовали люди, стоявшие во главе созданного после февральской революции Бюро государственного комитета по народному образованию и профессионального союза учителей — так называемого Всероссийского учительского союза (ВУС). Бюро государственного комитета по народному образованию 10 ноября 1917 года «признало необходимым приостановить свою деятельность». Большой совет Всероссийского учительского союза разослал местным учительским организациям «Проект тактических мер», в котором учителям рекомендовались открытое неповиновение советской власти, устная и письменная агитация против нее и учительская забастовка.

«Другая часть старой интеллигенции, менее квалифицированная, но более многочисленная, долго еще продолжала топтаться на месте, выжидая «лучших времен», но потом, видимо, махнула рукой и решила пойти в службисты, решила ужиться с Советской властью»².

Понадобилась долгая, упорная просветительная и воспитательная работа партии, чтобы преодолеть противодействие и колебания этой части интеллигенции.

Была и третья часть интеллигенции, «главным образом рядовая ее часть», которая «присоединилась к народу и пошла за Советской властью»³.

Но даже та часть интеллигенции, которая работала с советской властью и всеми силами стремилась помочь ей в культурном строительстве, далеко не сразу смогла понять линию партии.

Многие представители этой интеллигенции совершенно искренне считали, что просвещение, школа, наука, искусство никакого отношения к политике и борьбе классов не имеют. В. И. Ленин в своих выступлениях перед учительством многократно на конкретных фактах объяснял этим «добросовестно заблуждающимся» их ошибку.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 68—69.

² И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 608.

³ Там же.

Большинство беспартийной интеллигенции, даже сочувствующей революции, еще долго считало, что в области культуры все остается по-старому и речь идет лишь о распространении среди широких народных масс этой старой культуры, а не о критическом освоении ее и строительстве новой.

Терпеливо разъясняя искренне заблуждающейся части интеллигенции ее ошибки, партия вместе с тем вела беспощадную, непреклонную борьбу против тех, кто, прикрываясь маской беспартийности и нейтралитета, сознательно саботировал и срывал культурное строительство.

Особенно сложно процесс перевоспитания интеллигенции проходил среди писателей.

С первых же дней на сторону революции встали те из писателей, кто еще до Октября прочно связал себя с большевистской партией. Это были А. М. Горький, В. В. Маяковский, Демьян Бедный, А. С. Серафимович. На стороне революции оказались и такие писатели, как В. Я. Брюсов и А. А. Блок, отход которых от лагеря символистов начался еще в годы первой империалистической войны.

Значительная же часть писателей оказалась во враждебном революции лагере. Многие эмигрировали. Другие, оставшись, занимались явно или скрыто борьбой против советской власти, клеветой на нее. Третьи заняли позицию «нейтралитета», провозглашая лозунг так называемого «чистого искусства», проповедуя, что искусство стоит вне политики и выше нее.

Сторонники «чистого искусства» проповедовали свободу искусства не только от политики, но и от всяких общественных идеалов, от всякого социального содержания.

Якобы нейтральный, «беспартийный» лозунг «чистого искусства», под которым объединились декаденты всех мастей, символисты, акмеисты, имажинисты, был лишь ширмой, за которой крылась чуждая, враждебная революции идеология, антинародное стремление сохранить в неприкосновенности искусство для избранных.

С самых первых дней революции бурную деятельность развернули и ультрарадикальные «новаторы», требовавшие ниспровержения и разрушения всей старой культуры

и выступавшие под прикрытием архиреволюционных фраз. Все большее влияние приобретали Пролеткульты. Пролеткультовцы утверждали, что так как все культурное наследство создано человечеством в период эксплуататорского строя, то все оно заражено чуждой идеологией, а поэтому враждебно рабочему классу и должно быть отброшено, как ненужный хлам. Они предлагали строить особую, пролетарскую, культуру совершенно сизнова, «на голом месте», что шло прямо вразрез с установками партии, со всей марксистско-ленинской теорией искусства.

Вопрос об освоении наследства был в это время одним из основных вопросов культурного строительства.

Коммунистическая партия всегда рассматривала культурное наследие прошлого как исходный пункт для строительства новой, социалистической культуры, исходя из ленинского положения о том, что «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова»¹, и что нужно «...суметь различить то, что являлось необходимым для капитализма и что является необходимым для коммунизма»².

Советская власть с самого начала своего существования признала «необходимым для коммунизма» ценное наследство, оставленное народу великими русскими классиками.

В опубликованном 4 января 1918 года декрете, предлагавшем «...Государственной комиссии по просвещению через ее литературно-издательский отдел» немедленно приступить к широкой издательской деятельности, указывалось, что «в первую очередь должно при этом быть поставлено дешевое издание русских классиков», и объявлялось, что их сочинения «перейдут, согласно настоящему закону, в собственность народа». Далее, редакции этих изданий рекомендовалось при выборе «...руководиться, помимо других соображений, степенью близости отдельных сочинений трудовому народу, для которого эти народные издания

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 16.

² В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 263.

предназначаются». Наконец, в декрете давалось указание, что «Народные издания классиков должны поступать в продажу по себестоимости, если же средства позволят, то и распространяться по льготной цене или даже бесплатно через библиотеки, обслуживающие трудовую демократию»¹.

В осуществление этого декрета меньше чем за полтора года (до мая 1919 года) было издано 115 названий (главным образом избранных сочинений) классиков общим тиражом 6 миллионов экземпляров и по баснословно дешевой для того времени цене.

Партия и советская власть, несмотря на все происки и вопли врагов всех мастей, твердо и последовательно проводили свою линию на критическое освоение литературного наследства и приобщение к нему широких народных масс.

Как в борьбе за культурное наследство, так и в деле создания новой литературы партия встречала сопротивление со стороны реакционной интеллигенции, в частности сторонников «чистого искусства», и со стороны «ультрарадикальных» Пролеткультов, проповедовавших «независимость» культуры от партии, от революционной борьбы.

На II Всероссийской конференции советов Пролеткультов в 1919 году была сформулирована такая платформа:

«Пролеткульт есть культурно-творческая организация пролетариата, как рабочая партия — его политическая организация, а профсоюзы — организация экономическая».

Ясно, что, выдвигая эту платформу, пролеткультовцы смыкались с врагами революции, противопоставлявшими пролетариат партии и стремившимися оторвать его от всех остальных масс трудового народа.

Партия, разумеется, не могла мириться с такой позицией Пролеткультов и с пропагандой подобных идей среди рабочих масс.

В октябре 1920 года В. И. Ленин написал проект резолюции I Всероссийского съезда Пролеткультов, которая

¹ Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Вып. I, стр. 148—149.

была единогласно принята делегатами съезда. Об отношении к культурному наследию в ней говорилось: «Марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеологии революционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры. Только дальнейшая работа на этой основе и в этом же направлении, одухотворяемая практическим опытом диктатуры пролетариата, как последней борьбы его против всякой эксплуатации, может быть признана развитием действительно пролетарской культуры»¹.

Резолюция давала резкий отпор попыткам Пролеткультов противопоставить себя партии и советской власти, указывала, что «съезд вменяет в безусловную обязанность всех организаций Пролеткульта рассматривать себя всецело как подсобные органы сети учреждений Наркомпроса и осуществлять под общим руководством Советской власти (специально Наркомпроса) и Российской коммунистической партии свои задачи, как часть задач пролетарской диктатуры»².

Как уже было сказано, съезд единогласно принял эту резолюцию, но верхушка Пролеткульта не пожелала подчиниться этому решению и продолжала проводить свою линию.

Ввиду этого партия была вынуждена опубликовать специальное «Письмо ЦК РКП(б) о Пролеткультах».

В этом письме говорилось:

«Пролеткульт возник до Октябрьской революции. Он был провозглашен «независимой» рабочей организацией, независимой от министерства народного просвещения времени Керенского. Октябрьская революция изменила перспективу. Пролеткульты продолжали оставаться «независимыми», но теперь это была уже «независимость» от Советской власти. Благодаря этому и по ряду других причин в Пролеткульты нахлынули социально чуждые нам элементы, элементы мелкобуржуазные, которые иногда фактически захватывают руководство Пролеткультами в

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 292.

² Там же.

свои руки. Футуристы, декаденты, сторонники враждебной марксизму идеалистической философии и, наконец, просто неудачники, выходцы из рядов буржуазной публицистики и философии стали кое-где заправлять всеми делами в Пролеткультах.

Под видом «пролетарской культуры» рабочим преподносили буржуазные взгляды в философии (махизм). А в области искусства рабочим прививали нелепые извращенные вкусы (футуризм)...»¹

Таким образом, Пролеткульты не только противодействовали критическому освоению культурного наследия прошлого, но и подменяли созидание новой, социалистической культуры и искусства сомнительными «новшествами», которые, по существу, далеко не всегда были новыми.

В. И. Ленин в беседе с Кларой Цеткин так отзывался об этом «новаторстве»:

«Почему нам нужно отворачиваться от истинно прекрасного, отказываться от него, как от исходного пункта для дальнейшего развития, только на том основании, что оно «старо»? Почему надо преклоняться перед новым, как перед богом, которому надо поклониться только потому, что «это ново»? Бессмыслица, сплошная бессмыслица! Здесь — много лицемерия и, конечно, бессознательного почтения к художественной моде, господствующей на Западе. Мы хорошие революционеры, но мы чувствуем себя почему-то обязанными доказать, что мы тоже стоим «на высоте современной культуры». Я же имею смелость заявить себя «варваром». Я не в силах считать произведения экспрессионизма, футуризма, кубизма и прочих «измов» высшим проявлением художественного гения. Я их не понимаю. Я не испытываю от них никакой радости»².

В 1922 году Пролеткульты были ликвидированы. В истории развития советского искусства они сыграли отрицательную роль. И. В. Сталин в своей гениальной работе «Марксизм и вопросы языкознания» назвал пролеткультовцев, так же как и рапповцев, упростиителями и вульгаризаторами марксизма.

¹ Газета «Правда» от 11 декабря 1920 года.

² Сборник «Ленин о культуре и искусстве». М.—Л., «Искусство», 1938, стр. 137.

В области детской литературы, так же как и в области общей литературы, борьба шла и за критическое освоение наследства и за создание новой, советской литературы для детей.

Дети получили в наследство от дореволюционной литературы произведения классиков и произведения народного творчества, а наряду с этим массу специально «детских» книжек, самых различных не только по своей художественной ценности, но и по идейному содержанию.

В этом наследстве необходимо было разобраться, чтобы убрать с полок детских библиотек заполнявший их монархический и либерально-благотворительский хлам и вместе с тем оставить все, что могло хоть в какой-нибудь мере послужить «на пользу коммунизму».

С этой целью создавались всевозможные педагогические комиссии, задачей которых был отбор книг, пригодных для чтения детей, и составление рекомендательных каталогов и списков книг, достойных переиздания.

Вопрос о классиках был ясен. Он был разрешен принципиально в общем плане январским декретом 1918 года.

Применительно к нуждам школы этот декрет был конкретизирован и уточнен докладной запиской А. М. Горького «Об издании русской художественной литературы», составленной им в декабре 1918 года. Алексей Максимович в этой записке предлагал «дать единой трудовой школе необходимые ей пособия по русской литературе», указывая, что «более или менее удовлетворительно эти задачи могут быть выполнены только при централизованной работе по систематически выполняемому плану»¹.

«Для нужд школы, — говорилось в этой записке, — должны быть изданы в самом спешном порядке те произведения, которые указаны в примерной программе Комиссариата народного просвещения Союза коммун Северной области. И в этой серии нужно выйти за пределы XVIII и XIX веков, издать произведения более ранних эпох, в частности ряд сборников устной поэзии, которые,

¹ Сборник «М. Горький о детской литературе». М., Детгиз, 1952, стр. 64.

конечно, могут быть использованы и для нужд внешкольного чтения»¹.

Горький подробно говорил в своей записке о типе изданий классиков для детей и об их оформлении.

В полной мере эти указания Горького не могли, конечно, быть осуществлены в то время, но все же произведений русских и иностранных классиков издавалось для детей довольно много. Они выходили главным образом в сериях, предназначенных для школы и семьи. Так, киевское издательство «Жизнь» выпускало специальную серию «Библиотека русских классиков для школ и самообразования» с биографическими статьями и комментариями. В этой серии в 1918 году вышли: полное собрание басен И. А. Крылова, большие сборники стихотворений М. Ю. Лермонтова и А. С. Пушкина, сочинения Л. Н. Толстого.

Книгоиздательство писателей в Москве (1918—1920) в своей серии «Народно-школьная библиотека» издало «Дружки» А. М. Горького, «В дурном обществе», «Слепой музыкант», «Соколинец», «Ак-Даван», «Судный день» В. Г. Короленко, «Мишка Упырь» А. С. Серафимовича, избранные стихотворения И. З. Сурикова, «Джек» и другие рассказы А. Доде, избранные стихотворения М. Конопницкой, избранные рассказы Г. Мопассана, «Добрая пани» и другие рассказы Э. Ожешко, избранные рассказы Г. Сенкевича.

Издательство «Юная Россия» по серии «Библиотека для семьи и школы»² выпустило «Старосветские помещики» и «Шинель» Н. В. Гоголя, избранные басни И. А. Крылова, шесть выпусков «Избранных сочинений» М. Ю. Лермонтова, «Басни и пословицы» Л. Н. Толстого (шесть выпусков), его же былины и исторические рассказы, «Рассказы о животных и растениях», 37 рассказов Д. Н. Мамина-Сибиряка отдельными выпусками.

ГИЗ в серии «Библиотека детского чтения» издало «Избранные стихотворения» Н. А. Некрасова (1920) и «Осаду мельницы» Э. Золя (1919).

Издавались классики и вне серий.

¹ Сборник «М. Горький о детской литературе». М., Детгиз, 1952, стр. 66.

² В некоторых изданиях она называется «Дешевая библиотека для семьи и школы».

Но отбор произведений и авторов носил довольно случайный характер.

Произведения таких писателей, как А. И. Герцен, М. Е. Салтыков-Шедрин, Г. И. Успенский, которые были включены в школьные программы, изданные в 1919 году, совсем не издаются в эти годы для детей; не издаются и произведения А. П. Чехова, И. С. Тургенева, А. С. Грибоедова, А. Н. Островского и ряд других. Стихи Н. А. Некрасова за эти три года изданы для детей только один раз, в 1920 году. А. М. Горький представлен был четырьмя маленькими книжечками: «Дружки» и «Как я учился» (1918), «Дети» (1919) и «Сказки» (1920).

А, например, книги Д. Н. Мамина-Сибиряка в 1918 году составляют больше 45 процентов всех изданий классиков. Но, несмотря на такое количество, среди изданных рассказов Д. Н. Мамина-Сибиряка нет как раз тех, которые вошли в программы: «Емеля-охотник», «Зимовье на Студеной». Из произведений других писателей тоже часто издавалось не то, что требовалось школьной программой.

Из всего этого видно, что издательства, выпускавшие произведения классиков, не считались с требованиями советской школы.

Но школа все же имела произведения классиков, потому что к ее услугам была вся «Народная библиотека», издававшаяся Литературно-издательским отделом Народного комиссариата просвещения массовым тиражом и включавшая сочинения русских классиков.

В 1920 и 1921 годах удельный вес произведений классиков в общем количестве издаваемых для детей книг не повышается, а падает.

Это падение безусловно стоит в тесной связи как с ростом чуждых пролеткультовских влияний, так и с искажениями линии партии в педагогике, которые в это время проявлялись довольно сильно.

Стремление отбросить культурное наследство проявлялось в педагогике так же ярко, как и в области литературы. Некоторые из проповедников подобных теорий высказывались за уничтожение всех элементов школы, утверждая, что задача школы не в том, чтобы давать знания, а в том, чтобы только создавать условия для приобретения знаний и развития способностей. Другие предлагали превратить школы в производительно-потребительские комму-

ны с неограниченным числом рабочих часов и без учебной программы.

Большое распространение получила в это время и теория свободного воспитания, сторонники которой высказывались против «навязывания» детям каких бы то ни было программ и учебных планов.

Эта мелкобуржуазная теория, в дореволюционное время выражавшая протест против казенщины, муштры, зубрежки царской школы, теперь обратилась против советской школы, мешая ее строительству.

Понятно, что ревнители этих теорий, отвергавшие преподавание школьных предметов, в том числе и литературы, тем самым отрицали и потребность в специальном издании классиков «для нужд школы», которого требовал Горький.

Большие разногласия и споры вызывал в эти годы вопрос о сказке.

Реакционные педагоги яростно отстаивали сказку, мотивируя это тем, что сказка якобы уводит детей от действительности, «спасает детей», как они говорили, «от ужасов революции».

Исходя из этого, они требовали, чтобы детям давали как можно больше сказок. Сказки, сказки и только сказки.

Пролеткультовцы начисто отрицали старую сказку, утверждая, что народная сказка, так же как и вся дореволюционная литература, является носителем чуждой нам идеологии и старых сказок детям давать нельзя, а надо создавать новые, революционные.

Ни те, ни другие не понимали ни того, что сказка в особой, специфической форме отражает реальную действительность и тем способствует ее пониманию, ни того, что в народных сказках может найти отражение идеология различных классов и прослоек — от самой реакционной до революционной.

Интересна и чрезвычайно типична для этого времени брошюра некоего С. Полтавского «Новому ребенку — новая сказка»¹, в которой он утверждает, что у народных сказок «нет звена, связующего их с жизнью», и что они «слишком чужды современности, чтобы быть педагогич-

¹ С. Полтавский, Новому ребенку — новая сказка. Этюд для родителей и воспитателей. Саратов, изд. Центросоюза, 1919.

ными», и предлагает разработанный им рецепт, как делать новые сказки для ребят.

Для примера Полтавский приводит целый ряд сочиненных им самим сказок познавательного, нравоучительного и политического характера, в которых сказочные образы заменены абстрактными аллегориями, а положительные герои носят имена слушателей. Приведя абстрактную символическую сказку «Как родилась на земле несправедливость» и как она жила и действовала, Полтавский пишет, что это начало, а дальше любой педагог может у себя продолжать эти опыты, импровизируя, например, как эта несправедливость была побеждена Ваней, или Петей, или любым другим из слушателей.

Эта попытка заменить отображение литературой реальной жизни какими-то искусственными измышлениями, абстрактными символами и схемами, попытка дать точные рецепты и таким путем создать новую сказку и новую литературу для детей была ярким проявлением пролеткультовских тенденций в области детской литературы.

Наряду с такого рода «новаторскими» опытами существовали еще «новые» сказки декадентов, которые выходили из народных сказок всякую социальную сущность, всякое идейное содержание и заменяли все это эстетскими, ничего собой не выражающими фантазиями, иногда внешне очень красивыми, изящными, но совершенно пустыми, не имеющими ни воспитательного, ни социального смысла.

В этой шумихе, поднятой вокруг сказки, тонули немногочисленные голоса педагогов, отстаивавших народную сказку как средство коммунистического воспитания и требовавших тщательного отбора сказок для детского чтения.

Эти споры непосредственно сказывались на количестве издаваемых для детей сказок. В 1918 году народные и классические сказки — русские и иностранные — составляли свыше 25 процентов всех изданных для детей книг. Правда, среди них преобладали дешевые маленькие книжонки, выпускаемые издательством Сытина, в которых текст сказок искажался до неузнаваемости, но были и хорошие издания детских сказок Афанасьева, и русские народные сказки в изложении Ушинского и Толстого, и сборники сказок Андерсена, братьев Гримм, Перро и ряд дру-

гих. В 1919 году народные и классические сказки составляют только 5,5 процента. Это исключительно народные сказки, почти все русские, изданные преимущественно сборниками.

В 1920 году процент сказок по названиям равен 6,5, но это не сборники, а маленькие книжечки по одной сказке в каждой, так что здесь опять имеет место не повышение, а понижение удельного веса сказок в общем количестве изданий.

Таким образом, пролеткультовская линия сказалась и на издании сказок. Разоблачение этой порочной линии в письме ЦК партии о Пролеткультах оказало в дальнейшем благотворное влияние и на увеличение количества изданий народных сказок.

Но вопрос о сказке составлял лишь небольшую часть проблемы литературного наследства.

Ведь, кроме народных сказок и произведений классиков, существовало огромное количество книг, которые издавались для детей до революции. Это было тоже «наследство», в котором надо было разобраться. И тут особенно большую роль играли те педагогические комиссии, о которых мы говорили выше. Чтобы решить вопрос об издании классиков для детей, не надо было особых «детских» специалистов, но чтобы разобраться в детской дореволюционной литературе, необходимы были люди, хорошо ее знающие.

У нас часто недооценивают сложность этой задачи. Так, принято, например, говорить о каком-нибудь произведении советской литературы: «Это ничем не отличается от старой детской литературы», не уточняя, от какой старой литературы. Как будто старая детская литература — это нечто совершенно единое, как будто вся она на один фасон и на один манер. Или говорят: «Это совсем уж как Лукашевич и Чарская». А Лукашевич и Чарская ничуть не похожи одна на другую. Или принято говорить о «традициях старой детской литературы», не указывая, о каких традициях идет речь. Иначе говоря, наблюдаются попытки рассматривать всю старую, дореволюционную детскую литературу как единый поток, как какую-то аморфную массу, в которой все одинаково и ничего различить нельзя.

Между тем литература для детей в годы, предшествовавшие революции, была чрезвычайно разнообразна.

Начать хотя бы с того, что люди, писавшие книжки для детей, принадлежали к разным классам, к разным политическим партиям, и создаваемые ими произведения чрезвычайно разнились между собой не только по литературным направлениям (о которых часто трудно говорить, потому что качество этих произведений настолько низко, что определить литературное течение затруднительно), но и по своему социальному содержанию.

Среди этих книг для детей были явно черносотенные книжки, открыто насаждавшие верность престолу и православной церкви, любовь к «обожаемому монарху». Это Чарская, которая в своих приключенческих, романтических повестях проводила именно эту линию и, играя на самых низменных чувствах и эмоционально воздействуя на детей, вела их по пути махрового монархизма и реакции. Это журнал «Задушевное слово», критикуя который К. И. Чуковский в свое время правильно показал, что этот журнал воспитывал лакеев, карьеристов, людей беспринципных, ничего, кроме карьеры, не признающих. Это развращающие детей похождения Ната Пинкертона, Ника Картера, приключения Джона-потрошителя и тому подобные книжонки о сыщиках и убийцах — прототипы нынешней американской гангстерской литературы, во множестве выпускавшиеся в годы реакции дешевыми массовыми сериями.

Но были среди издававшихся в то время книг и такие, которые подносили чуждую идеологию гораздо более тонко, в завуалированной форме; например, бесчисленные повести и рассказы Клавдии Лукашевич о бедных детках, о сиротках, о страданиях и унижениях. Лукашевич и ей подобные проповедовали жалость и сочувствие «к беднякам» и видели «панацею» от всех зол в благотворительности какой-нибудь доброй барыни и барина или их чувствительной дочурки, в кротости и смирении самих бедняков, которым они без конца внушали правило: «Господь терпел и нам велел».

Иногда детские книги рассказывали об интеллигентах-тружениках: об учительнице, работающей в деревне, или о враче, но рассказывали с позиций той теории малых дел, которую проповедовали народники 90-х годов. Примером может служить рассказ «Алхимик» писателя-народника П. В. Засодимского, который был «последним из славного кружка русских беллетристов, где он работал наряду с

Глебом Успенским, Златовратским и другими»¹, но все же не чужд был теории малых дел.

В этом рассказе речь идет об ученом-алхимике, который пытался спасти человечество, изобретая «камень мудрецов», и пришел к выводу, что высшая мудрость заключается якобы в том, чтобы облегчать страдания людей, лечить больных, просвещать неграмотных. «Камень мудрецов» оказывался теорией малых дел. Его секрет заключался в том, чтобы думать не о борьбе за счастье человечества, а о помощи отдельным страдающим людям.

Такой литературы было тоже много.

Однако были среди детских книг, издававшихся до революции, и такие, которые давали правдивую, реалистическую картину дореволюционной действительности. Правда, их авторы не видели тех элементов нового, которые уже существовали, и не показывали борьбу, а лишь рисовали мучительно тяжелую жизнь трудящихся во время царизма, не находя никакого выхода из этого положения, не делая никаких выводов. Но вывод могли сделать сами читатели. Некоторые из этих книг издаются и теперь: «Малыш и Жучка» В. Дмитриевой, «Петька на даче» Л. Андреева, «Рыжик» А. Свирского.

Были, наконец, такие детские книжки (их было очень немного, но, во всяком случае, они были), где уже намечалась горьковская линия в литературе, где герой из народа представлялся не как объект сострадания, а как действующий субъект, вызывая не жалость, а любовь и уважение. Здесь были живые, активные, бодрые люди, не было беспросветного мрака, виднелись ростки нового (рассказы А. С. Серафимовича, «Белый пудель» А. И. Куприна).

К этому надо прибавить, что издавалась масса иностранной, переводной литературы самого разного толка и большое количество так называемой научно-популярной литературы, тоже стоявшей на самых разнообразных позициях, начиная от восхваления премудрости божьей и кончая действительно научными популярными статьями, в какой-то мере помогавшими формированию материалистического мировоззрения.

Кроме того, в годы реакции быстро начала развиваться

¹ Сборник «Дооктябрьская «Правда» об искусстве и литературе». М., Гослитиздат, 1937, стр. 135.

ся детская литература декадентов, которые, ратуя за «чистое искусство» вообще, отрицали социальные функции искусства и отказывались от каких бы то ни было педагогических задач детской литературы.

Декадентский журнальчик для детей «Тропинка», выходивший в эти годы, был абсолютно далек не только от современности, но и вообще от всякой жизни. Стихи, сказки и рассказы, печатавшиеся в нем, отражали лишь интимный мирок уютной детской. Куклы, зверушки, цветочки да еще Христос и богородица, поданные в сказочном плане, — вот и все, о чем считали нужным рассказать детям писатели-декаденты.

Один из видных идеологов декаданса, Александр Бенуа в 1908 году выступил на страницах кадетской газеты «Речь» с большой статьей «Кое-что о елке», где он доказывал, что «вся гражданственная, добродетельная, благородно-гуманная тенденция русской детской литературы не заслуживает того уважения, на которое она претендует», и что «эта тенденция — главный бич русской детской книжки». «Именно эта ее благородная плаксивость, ее назойливое внимание к обездоленным, ее воспитание человечности и есть тот кошмар, который держит русскую детскую литературу в безысходном тоскливом плену». А. Бенуа призывал изгнать из детских книг «сапожников, больных матерей, лохмотья, вонь, грязь». «Перестанем учить наших детей жалости и слезам», — писал он.

В этих призывах под флагом совершенно законной борьбы с унылостью и слезливостью детской литературы того времени протаскивалась проповедь отказа от великих революционно-демократических традиций.

Это была проповедь в детской литературе тех же идей, насаждением которых во «взрослой» литературе занимался в годы реакции известный сборник «Вехи», названный Лениным «энциклопедией либерального ренегатства»¹.

Это означало не более не менее, как отказ от педагогической и общественной функции детской литературы, превращение ее из формы познания мира в изящную ширмочку, заслоняющую от детей мир.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 107.

В годы реакции такого рода взгляды на детскую литературу имели широкое распространение. На той же позиции стоял, например, и К. И. Чуковский.

К. И. Чуковский в тот же период написал о детской литературе несколько статей, содержащих чрезвычайно ценные мысли. В своей блестящей статье о Л. Чарской, написанной в годы ее наибольшего преуспевания и популярности, он сумел вскрыть реакционную, антипедагогическую сущность и полную художественную несостоятельность этой «властительницы детских душ». В другой статье, «Матерям о детских журналах», он удивительно умело и неопровержимо показал лакейское направление журнала «Задушевное слово», стремившегося воспитать в детях молчалинские добродетели. Но, критикуя «Задушевное слово», Чуковский противопоставлял ему декадентский журнальчик «Тропинка», а по поводу работы других детских журналов — «Юный читатель» и «Юная Россия» — высказал ряд положений, целиком отвечающих теории «чистого искусства» в детской литературе и идеям «свободного воспитания» в педагогике.

Этим журналам Чуковский вменял в вину уже самый факт, что в них печаталось много статей познавательного характера. Он писал: «Но не фальшивы ли эти стремления дать ребенку нашу торговлю, нашу эмиграцию, наше железнодорожное строительство... не основываются ли они на том важнейшем заблуждении, будто ребенок есть уменьшенная копия взрослого... Но ведь настоящий ребенок не хочет уменьшенного мира, не хочет микроскопического Линкольна, микроскопического Маркса, микроскопического прогресса, микроскопической астрономии, публицистики, действительной жизни. Он создает свой мир, свою логику и свою астрономию, и кто хочет говорить с детьми, должен проникнуть туда и поселиться там. Дети живут в четвертом измерении...»

И дальше в той же статье Чуковский замечает:

«Поменьше давай читателю, побольше бери у него — вот девиз, с которым должен выступать детский журнал. Иначе, как бы все его стремления не оказались особым видом утонченного духовного насилья»¹.

¹ К. Чуковский, Матерям о детских журналах. СПб.. 1911, «Русская скоропечатня», стр. 16, 17, 18, 19.

«Дети живут в четвертом измерении», в каком-то особом мире. Им нет никакого дела до того, что творится вокруг. Им нет дела до современности, не давайте им современности, не давайте знаний, идите в хвосте за ними, берите у них, а не давайте им.

Эту теорию и соответствующую ей практику мы можем наблюдать буквально накануне Октябрьской революции.

Махрово монархический журнал «Нива», где на каждой странице был портрет царя, царицы и наследника, в 1917 году начал издавать приложение, которое называлось «Для детей».

В «Ниве» в конце 1916 года был дан анонс об этом приложении, где говорилось: «Сюда, на эти мирные страницы, не проникнут наши нынешние заботы и тягости, здесь все будет весело, лучезарно и безоблачно». Обещание веселья, лучезарной безоблачности и полной изоляции от жизни взрослых, данное в 1916 году, в самый тяжелый период империалистической войны и буквально накануне революции, полностью выполнялось редакцией на всем протяжении 1917 года. Если стереть даты на номерах этого журнальчика, ни один самый догадливый человек не угадает, что они выходили в год величайших исторических событий.

В этот журнальчик жизнь не проникала.

В нем нет не только ничего о войне, которая шла в то время, о революции, которая произошла, но нет даже никакого познавательного материала: рассказов о животных, о природе. Один смех, одни шутки, совершенно беспочвенные, не имеющие никакой связи с жизнью, да фантастика, тоже оторванная от жизни, и больше ничего.

Этот «лучезарный» журнальчик прилагался, как уже было сказано, к иллюстрированному журналу «Нива» и рассылался подписчикам вместе с этим журналом.

А журнал «Нива» вел яростную травлю большевиков. В июльские дни, когда казаки «усмиряли» рабочую демонстрацию, погибло много народа; было убито и несколько казаков, и журнал «Нива» целый разворот посвятил похоронам одного из казаков-усмирителей.

В приложении «Для детей» к этому номеру (№ 7—8) все было попрежнему «лучезарно». Но в руки ребенка попадало не только приложение, но и насыщенная контрреволюционной пропагандой «Нива», а люди, пытавшиеся

своей пустой, легонькой ширмочкой заслонить от детей жизнь, делали вид, что не знают об этом.

Так выглядела на практике теория «чистого искусства» в детской литературе.

Мы остановились так подробно на этом течении в детской литературе предреволюционного периода потому, что и после революции оно имело широкое распространение и понять реакционную сущность этих веселых, изящных творений «чистого искусства» было не так-то просто.

Как мы видим, наследство, доставшееся советским детям от дореволюционной детской литературы, было очень пестро. Помочь разобраться в этом наследстве должны были призванные во всевозможные комиссии специалисты, люди, которые не очень четко представляли себе, какие требования предъявляют к детской литературе новая, революционная действительность, новый читатель, задачи коммунистического воспитания.

В своем подходе к детской литературе эти специалисты опирались часто на всевозможные ложные педагогические и психологические учения, созданные задолго до революции и часто заимствованные у Запада, и эти теории не помогали, а лишь еще больше мешали им.

Так, например, теория «чистого искусства» получала в применении к детской литературе довольно любопытное дополнительное теоретическое обоснование в виде так называемой «биогенетической» теории, заимствованной из буржуазной педагогики.

Эта теория утверждала, что подобно тому как плод в утробе матери повторяет стадии развития от протиста до человека, так и ребенок после своего рождения, в период детства, повторяет весь ход развития человечества: на раннее детство приходится каменный век, затем идет период скотоводства, потом начало земледелия и так далее. До современности человек доходит во взрослом состоянии. Нарушить какую-нибудь из этих стадий, «не дать изжить» ее — значит нарушить весь ход развития ребенка, и когда-нибудь это отзовется, неизжитая стадия «свое возьмет» в более старшем возрасте. В этой «теории» простор для домыслов был огромный. Одни считали, что если трехлетний ребенок копается в земле, он проходит стадию земледелия, если двухлетний ребенок гоняется за кошкой, тянется к собакам — это период приручения животных, а семилет-

ний ребенок, набивающий себе карманы чем попало, «переживает» период первоначального накопления. Иные объясняли драчливость подростков тем, что они проходят стадию феодальных рыцарских турниров.

И на этом строились целые теории воспитания детей, в частности теория свободного воспитания. Из этой теории делался вывод, например, что маленьким детям надо читать только древние сказки, созданные в тот период человечества, который дети сейчас переживают. Животный эпос, который человечество создало в период своего раннего развития, близок детям, а книги о современной технике, тем более о современной жизни, им вредны, что малышам надо читать древние сказки, созданные на заре человечества, подросткам — рыцарские романы, созданные в период феодализма, а современность, политику оставить для взрослых, иначе можно нарушить весь ход развития ребенка, а это чревато тяжелыми последствиями.

Конечно, излишне разоблачать реакционность такой теории, доказывать, какой блестящей ширмой она служила для проповеди бессодержательности детской литературы, голого развлекаательства, отказа от педагогических задач.

Вот какой багаж принесли с собой некоторые деятели просвещения.

В комиссиях по детской литературе заседали, разумеется, не только сторонники подобных теорий — в них были представители различных групп интеллигенции, руководили же этими комиссиями большевики.

Ленин писал тогда по поводу работы с беспартийными специалистами:

«Задача практически сейчас стоит так, чтобы тех, кто против нас капитализмом воспитан, повернуть на службу к нам, каждый день смотреть за ними, ставить над ними рабочих комиссаров в обстановке коммунистической организации, каждый день пресекать контрреволюционные поползновения и в то же время учиться у них»¹.

В комиссиях по детской литературе борьба велась и со все усиливающимся влиянием пролеткультовских вульгаризаторов, которые, выступая в роли защитников идей коммунистического воспитания в детской литературе, пытались лишить детей народной сказки и классического на-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 55.

следства и наносили литературе и коммунистическому воспитанию не меньший вред, чем открытые реакционеры и сторонники теории «чистого искусства».

Составляемые этими комиссиями списки книг, подлежащих переизданию, и рекомендательные каталоги «Что читать детям» носили очень смешанный, неопределенный и случайный характер. Надо сказать, что эти списки и не имели большого влияния на то, что в действительности издавалось для детей и что читалось детьми в то время, так как книги издавались буквально сотнями издательств.

Сохранялись еще частные издательства, которые остались от старого времени, — Кнебель, Сытин и многие другие; были издательства разных обществ и объединений, авторские издания, существовали издания при всех журналах, а журналы старые тоже продолжали издаваться. В 1918 году еще выходило «Задушевное слово», издавались для детей журналы духовно-религиозного направления («Зерна божьей нивы»), скаутские журналы «Юные друзья», «Заря скаутизма», «Под знаменем скаутизма», до 1920 года существовал журнал «Светлячок». Журналы давали в виде бесплатного приложения книжечки, соответствовавшие их направлению. Издавались книги и на периферии, в самых разных городах, иногда совершенно случайные. Руководить всем этим не было возможности. Даже учитывать выходящие книги удавалось не полностью, потому что в Книжную палату сведения об изданиях в то время поступали чрезвычайно нерегулярно.

Но и в этих сложных и трудных условиях ясно намечается определенная государственная линия в деле издания книг для детей. В это время издается много книг о революционном движении в разных странах: книжка В. И. Немировича-Данченко «Матросы святого Константина», «Лесные братья» А. Ирасека, «Стенькина вольница» и «Атаман Степан Разин» А. Алтаева, книга Телие «Из жизни уличного мальчика» — о мальчике, погибшем во время уличной демонстрации.

Издается много книг о дореволюционной жизни детей трудящихся, о детях крестьян, о детях рабочих, о маленьких тружениках: рассказы А. С. Серафимовича, рассказы П. Сурожского и Н. Златовратского о крестьянских детях, С. Бажиной о детях рабочих. Правда, в некоторых из этих книг еще чувствуется либерально-народнический душок,

многие книги были очень бледны и слабы по форме, но главными героями этих книг всегда являлись пролетарские и крестьянские дети. В этих книгах не было богатых благодетелей, не было проповеди долготерпения и кротости, и все они так или иначе помогали детям представить себе, как жили их сверстники до революции. В отборе этих рассказов тоже чувствовалась государственная, партийная линия.

Было в то время направлено внимание и на литературу о жизни малых народов, которые угнетались в царской России. Издавались рассказы: «Таня Логай» К. Д. Носилова — о ненцах, «Ак-Бозат» Д. Н. Мамина-Сибиряка — о киргизах, и другие.

Была впервые издана в русском переводе татарская сказка Тукая «Шурале», положившая начало изданию литературы народов СССР для детей.

А наряду с этим продолжали выходить книги Чарской, и не только ее старые книги, но и новая повесть «Большая душа».

Выходит целый ряд старых сборников Лукашевич и ее новая, явно контрреволюционная, клеветническая сказка «Митрофашка», изданная в Геленджике; множество старых книжек о переряженных зверюшках, всевозможных приключениях зайчат, котят и медвежат и другие им подобные бессмысленные, бездарные, антихудожественные рассказы и стихи.

Выходит и много произведений переводной западной литературы, насаждавших мелкобуржуазные идеи благотворительности и братского единения богачей с бедняками.

Принцип классовости и партийности детской литературы, так же как и принцип классовости и партийности воспитания, был ясен большевикам, но приходилось вести большую разъяснительную работу и упорную борьбу за проведение его в жизнь.

Насколько большое значение придавала партия в это время детской литературе, показывает тот факт, что еще в феврале 1918 года на страницах газеты «Правда» была помещена большая статья под названием «Забытое оружие», в которой проводилась мысль, что детская литература является серьезным оружием борьбы и никак нельзя оставлять это оружие в руках классового врага.

«Нельзя умалять значения детской книги и чтения во-

обще, — говорилось в этой статье, — нельзя и закрывать глаза на действие книги на детскую душу. Буржуазия приложила все старания к тому, чтобы наши дети чуть ли не с молоком матери начинали впитывать идеи, делавшие их впоследствии рабами. Не нужно забывать, что те же средства, то же оружие годится для обратных целей»¹.

Статья заканчивается выводом:

«Детская книга, как важное оружие воспитания, должна получить самое широкое распространение. Но вместе с тем, то, чем сейчас пользуются наши дети, должно быть очищено от яда, грязи и мусора. На обязанности же государства лежит дальнейшее и немедленное притом снабжение детей новыми книгами».

Не только за критическое освоение литературного наследства для детей, но и за создание для них новой литературы приходилось вести борьбу как с прямыми врагами, так и с теми, кто просто не понимал новых требований к детской литературе. Приходилось бороться против косности, рутины, устаревших представлений о детях и их потребностях.

Без конца рассуждая об особенностях детского возраста, многие деятели детской литературы пытались руководить чтением детей, исходя из потребностей какого-то абстрактного ребенка вообще, и не замечали, что имеют дело с совершенно новым, невиданным прежде ребенком-читателем.

Новые читатели были дети не только другой эпохи, но и совершенно других слоев населения, дети, которые никогда до этого не имели возможности читать, — огромная масса пролетарских и крестьянских ребят, впервые получивших доступ к книге.

Эти дети видели мир не из окошка уютной детской, их жизненный опыт был гораздо шире и непосредственнее связан с окружающей действительностью. Они рано включались в широкий круг интересов взрослых, жили одной с ними жизнью, жизнью бурной и богатой событиями.

Этих читателей нельзя было удовлетворить книжечками, созданными для развлечения обитателей уютных детских. Им нужны были книги, помогающие понять, что происходит вокруг.

¹ «Правда» № 28 от 17 февраля 1918 года.

В некоторой степени эту потребность удовлетворяли хорошие старые книги, правдиво рассказывающие о дореволюционной жизни и путем сравнения помогающие понять современность. Но все же одним отбором и переизданием хотя бы и самых лучших книг разрешить проблему детского чтения было невозможно. Настоятельно нужны были книги, рассказывающие детям о современности, отображающие советскую действительность. Да и о старом надо было рассказать по-новому, создать новые познавательные книги для малышей, новые сказки. Одним словом — нужно было создавать новую, советскую литературу для детей.

Конечно, разрешить проблему новой книги для новых читателей не могли «Новые сказки» Полтавского и ряд других, написанных в том же духе.

Эти сказки пролеткультовского толка не отражали реальной действительности, а потому не могли способствовать ее пониманию.

Нельзя рассматривать как начало новой детской литературы и выпущенный в 1918 году издательством «Парус» сборник «Елка», составленный А. Бенуа и К. Чуковским, при участии А. М. Горького. В этом сборнике был помещен ряд произведений крупных писателей для детей: «Самовар» и «Сказка про Иванушку-дурачка» А. М. Горького, рассказ «Фофка» А. Н. Толстого, стихотворение В. Брюсова «Венок из васильков» и ряд других талантливых и интересных произведений. В иллюстрировании сборника принимали участие лучшие художники. Поэтому книга «Елка» ярким пятном выделялась на безрадостном фоне предреволюционной литературы.

Но сборник «Елка» был составлен еще до революции и поэтому, естественно, не мог удовлетворять новым требованиям.

И, разумеется, совершенно неправильно было бы видеть начало новой детской литературы в книжке К. И. Чуковского «Крокодил», наделавшей в то время много шума и вызвавшей много споров.

«Крокодил», безусловно, был в известном смысле новаторской книжкой. Новаторство ее заключалось в том, что, создавая свою сказку, Чуковский блестяще учел возрастные особенности восприятия и вкусов детей дошкольного возраста.

Он учел и интерес маленьких детей к движению и действию, и их любовь к быстрому ритму, и особенную чуткость к звучанию слова и к сочетанию звуков, их эмоциональность, их потребность в веселье, юморе, игре.

Но, внимательно изучив особенности восприятия маленького ребенка, его язык, словотворчество, эстетические вкусы, он использовал свои знания не для воспитания ребенка, а лишь затем, чтобы лучше приспособиться к нему, — найти форму стихотворного произведения для маленьких детей, наиболее отвечающую их возрастным особенностям.

И в этом отношении Чуковский добился большого успеха.

Созданная им веселая, занимательная, озорная книжка, написанная легким, ритмичным, звучным стихом, вызвала среди ребят настоящую бурю восторга, сразу оттеснив на задний план и заслонив собой всевозможные бездарные книжечки о приключениях умилительно-шаловливых котят, поучительные стишки о хороших детках и изящные, но бессюжетные, статичные и созерцательные стихи символистов.

Однако, правильно учтя некоторые из законов развития ребенка, Чуковский превратил их в некий абсолют, сделал из них фетиш, перед которым бессильны все социальные факторы, воздействующие на ребенка, развивающегося в конкретно исторических условиях и в конкретной социальной среде.

Он совершенно отрицал активную роль воспитания в процессе развития ребенка, поэтому не мог обратить свое знание детей на пользу воспитания, а тем более коммунистического воспитания.

Мы вправе полагать, что воспитательных задач Чуковский себе вообще не ставил. Ведь его принципом было: «поменьше давайте ребенку, побольше берите от него». Тем более не ставил себе Чуковский задачи внушить детям какие бы то ни было политические идеи — это противоречило бы всем его взглядам на ребенка, как на существо, живущее «в четвертом измерении», то-есть абсолютно чуждое современности.

Его целью было создать для маленьких детей произведение, наиболее отвечающее их вкусам, и таким путем

показать, **как** надо писать для малышей всем тем кропателям тяжеловесных «детских» виршей, которые игнорировали существование каких бы то ни было возрастных особенностей ребенка и с которыми Чуковский вел непримиримую войну.

О содержании он мало заботился, его занимала форма — ритм, рифмы, звуко сочетания, быстрая смена впечатлений.

Но, как известно, никакая форма не может существовать вне содержания и не может существовать литературное произведение, лишенное какого бы то ни было идейного содержания.

Очень угодившая детям поэма Чуковского, столь удачная и новая по форме, оказалась отнюдь не новой по идейному содержанию. Она отражала идеи мелкобуржуазного пацифизма.

Первый вариант «Крокодила», под названием «Ваня и крокодил», печатался в 1917 году в приложении к «Ниве» — «Для детей».

Выпущенная отдельным изданием в 1919 году, когда советский народ героически, с огромным напряжением сил сражался против белогвардейщины и иностранной интервенции, эта книжка оказалась просто враждебной и вредной.

Легко себе представить, как в эти суровые годы гражданской войны звучал призыв сказки, обращенный к лютым зверям, еще вчера грозившим Петрограду:

Живите вместе с нами,
И будемте друзьями,
Довольно мы сражались
И крови пролили.

На первое место в создании новой детской литературы выдвигаются те же писатели, которые играли громадную роль в развитии «взрослой» литературы того времени: это А. М. Горький, В. В. Маяковский, Демьян Бедный, А. С. Серафимович.

В. В. Маяковский в 1918 году предложил Литературно-издательскому отделу Наркомпроса издать для детей сборник его стихотворений, мотивируя это предложение тем, что «детских книг в литературе и поэзии совершенно нет». В сборник, предложенный Маяковским и шутливо

названный им «Для детков», должны были войти не только такое подлинно детское стихотворение, как «Тучкины штучки», но и сатирические стихи, посвященные актуальным политическим темам, как «Интернациональная басня», «Сказка про красную шапочку».

Этот сборник не увидел света, но уже сам по себе факт такой «авторской заявки» Маяковского весьма знаменателен.

Это можно рассматривать не только как заявку именно на данный сборник, а как поставленную перед собой великим поэтом задачу положить начало созданию политической поэзии для детей, задачу, которая была осуществлена Маяковским несколько лет спустя в его книгах, написанных специально для детей.

В 1919 году была издана книжка Демьяна Бедного «Читай, Фома, набирайся ума» — «сборник стихов для юных грамотеев», тоже представляющий собой отбор из стихотворений, написанных для взрослых.

Но, конечно, и Маяковского и Демьяна Бедного ребята знали не только по тем стихам, которые отбирались для них, — они читали их стихи и в «Окнах Роста» и в газетах.

Из произведений А. С. Серафимовича, который, как известно, в начале революции, непосредственно после Октября, вступил в партию и поехал на фронт корреспондентом «Правды», в период гражданской войны для детей была издана только одна книжка — «Мишка-Упырь». Но на полках детских библиотек были десятки его ранее изданных рассказов, и хотя эти рассказы издавались до революции, они представляли собой именно то новое направление в детской литературе, за которое шла борьба. Это были книжки, которые писались не только о детях из народа, но и для детей из народа, а не для того, чтобы разжалобить барчат и вызвать у них сочувствие к беднякам.

Но наибольшую роль в создании литературы для детей в этот период сыграл А. М. Горький.

Правда, издавалось его произведений в эти годы для детей мало. Как уже было сказано, в 1918—1920 годах для детей были изданы только четыре маленькие книжечки Горького: «Дети», «Детвора», «Как я учился» и «Сказки». Кроме того, в сборнике «Елка», изданном в 1918 году, была напечатана шутливая сказка Горького «Самовар» и в

журнале «Северное сияние» печатались сказки «Яшка» и «Случай с Евсейкой».

Но не только этими изданными специально для детей книжками определялась роль Горького в детской литературе, а и его основными произведениями, многие из которых уже тогда вошли в круг детского чтения. В частности, очень большое значение для становления советской детской литературы имело «Детство», хотя оно и не переиздавалось в эти годы ни для детей, ни для взрослых.

Именно от горьковского «Детства» вели свой род лучшие повести и рассказы о жизни детей трудящихся до революции: многие из рассказов о детях Серафимовича, и издававшиеся несколько лет спустя для детей фрагменты из «Повести о днях моей жизни» И. Вольнова, и рассказы Неверова.

Основной чертой этих лучших произведений о детстве прошлого являлось правдивое, исторически конкретное изображение жизни, характерный образ маленького героя из народа, проходящего тяжелую школу жизни, но не сломленного, не задавленного этой жизнью. И именно произведениями, написанными в традициях горьковского «Детства», намечается в этот период линия становления социалистического реализма в детской литературе.

Рассказы и сказки, написанные Горьким в первые советские годы специально для детей, носят на себе черты подлинного новаторства.

Совершенно не похож на героев дореволюционной детской литературы активный, любознательный, озорной и находчивый Евсейка, герой сказки «Случай с Евсейкой».

Сказка «Яшка», о маленьком мальчике, которого «били много, кормили плохо» и который после смерти попал в скучный рай, полный ноющих праведников, — это первое в детской литературе антирелигиозное художественное произведение.

Забавные «святые угодники», похваляющиеся своими ранами и муками, добродушный, беспомощный господь, изнывающий от скуки, слушая их бесконечные рассказы о страданиях и пытках, и, наконец, Яшка, который упротил бога вернуть его на землю, пообещав возвратиться с балалайкой и петь богу веселые песни, чтобы ему не было скучно, — все это так свежо, неожиданно, а главное — по-настоящему смешно и весело.

Заставить детей от души смеяться над богом и его праведниками и сочувствовать Яшке, сбежавшему из скучного рая, — ведь это настоящая революция в детской литературе!

Огромную роль играла в становлении советской детской литературы и организационная деятельность Горького. По поручению советского правительства он вел в это время большую работу по организации писательских кадров. В отношении детских писателей особенно большое значение имела работа Алексея Максимовича в журнале «Северное сияние». Это было издание Наркомата просвещения Северной коммуны, возглавлял редакционную коллегию Горький.

Журнал выходил в 1919—1920 годах. Задача этого журнала состояла в том, чтобы объединить передовых детских писателей, дать читателям новые произведения, откликающиеся на события современности и помогающие им понять и осмыслить эти события.

В первых номерах была напечатана следующая программа журнала:

«Северное сияние» предназначается для детей от 9 до 12 лет. Редакционный коллектив журнала при выборе материала не замыкает его, однако, в такие определенные рамки. Юные читатели, особенно в настоящее переходное время, не поддаются строгому разграничению по возрасту, а определяются своим развитием, пытливостью, интересом к чтению и т. д.».

Редакция обещает давать в журнале «небольшие очерки и заметки из области естествознания, техники и прикладного искусства, хронику — обзор важнейших событий, открытий и изобретений».

А в предисловии, помещенном в первом номере журнала, говорилось: «В предлагаемом журнале мы по мере сил наших будем стремиться воспитать в детях дух активности, интерес и уважение к силе разума, к поискам науки, к великой задаче искусства — сделать человека сильным и красивым».

Сложность задачи, стоявшей перед журналом, усугублялась тем составом авторских кадров, с которым имел дело Горький.

Среди писателей, пишущих для детей, тоже произошло резкое расслоение.

Многие из них не хотели участвовать в журнале, так как его направление совсем не соответствовало их взглядам.

Создание вокруг журнала авторского актива сильно затруднялось и тем, что в связи с перебоями в работе транспорта и почты приходилось ограничиваться почти исключительно авторами, жившими в это время в Петрограде.

Горький отлично отдавал себе отчет в трудности этой задачи. В предисловии для взрослых в первом номере журнала он писал:

«Мы знаем, что первые номера журнала не выдержаны в направлении, взятом нами. Но просим понять, что для успешного построения журнала, в духе сказанного выше, необходимо, чтобы сотрудники его умели отрешиться от некоторых навыков и симпатий, глубоко вкорененных в душе каждого из нас и отнюдь не украшающих ее».

Из этого вступления видно, что Горький прекрасно понимал, с какими писательскими кадрами он имеет дело, с какими людьми придется осуществлять стоящие перед журналом задачи.

Писательские кадры «Северного сияния» действительно были чрезвычайно разнородны и отличались большой текучестью.

В последних номерах журнала, за исключением одного В. Князева, не остается никого (мы не говорим о Горьком) из тех, кто печатался в его первых номерах. Весь авторский состав переменялся. Но в какую сторону он менялся?

Мы обычно рассматриваем «Северное сияние» как начало советской детской литературы, как журнал, в котором были заложены основные линии развития советской детской литературы. Это правильный взгляд. Но не с первых номеров журнала удалось Горькому добиться этого.

Читая первый номер журнала «Северное сияние», мы видим, как разнороден его авторский состав — встречаются даже имена писателей, которые оказались потом злейшими врагами революции. Горький не сразу понял, что значительная часть интеллигенции оказалась во враждебном революции лагере. И в отношении к ряду писателей, которых он надеялся вразумить и перевоспитать, оказалась недостаточно четкая позиция Горького в этот период, идеализация им всей старой интеллигенции. Позднее Горький понял свою ошибку и сам так писал об этом: «...после

ряда фактов подлейшего вредительства со стороны части спецов я обязан был переоценить — и переоценил — мое отношение к работникам науки и техники»¹.

В 1919 году эта переоценка еще не была произведена, и Горький, повидимому, с готовностью привлекал к работе в журнале всех писателей, которые изъявляли желание принять в нем участие.

Отсюда не только пестрый авторский состав в первых номерах журнала, но и нечеткость в них идейной линии.

Первый и второй номера, кроме сатирической антирелигиозной сказки «Яшка» Горького, не заключают в себе ничего принципиально нового. Помещенные в них произведения или бессодержательны, или же содержат небольшой познавательный материал, изложенный в очень эстетских формах. Сравнивая эти первые номера журнала с последующими, наглядно видишь, как происходит отсев авторов, чуждых журналу по духу, и как вокруг журнала начинает группироваться литературная молодежь, стремящаяся показать детям советскую действительность, и как эта молодежь все смелее берется за новые темы.

С другой стороны, можно наблюдать, как и старые мастера от малосодержательных, не новых ни по форме, ни по содержанию произведений переходят к интересным и очень актуальным темам.

Молодой поэт Князев, выступивший в первом номере журнала с маленьким стихотворением о зайчике, в последующих номерах дает целый ряд стихотворений на политические темы.

Писатель Вячеслав Шишков, давший в первом и втором номерах журнала путаную и довольно бессодержательную сказку «Медвежье царство», в десятом-двенадцатом номерах (1919) дает очень интересный реалистический рассказ «Зеркальце» — о том, как русский купец обманул тунгуса.

Этот рассказ полностью отвечал задачам воспитания в детях любви и уважения к ранее угнетенным народам.

Появляются в «Северном сиянии» и рассказы о советском детстве: рассказ о девочке, которая помогает Красной Армии — шьет кисет и посылает его на фронт. В этом рассказе интересно не только появление в детской литера-

¹ М. Горький, Собр. соч., изд. 2-е, т. XXII, М.—Л., 1933, стр. 206.

туре темы советского патриотизма, любви девочки к Красной Армии, но и отображение жизни детей того времени, совершенно новых форм быта, с такими, например, деталями, как детский клуб. Заслуживает внимания и рассказ в седьмом-девятом номерах (1919) о том, как мальчик с отцом едут за продовольствием и возвращаются в Петроград. В этом рассказе дан образ советского мальчика, активного, любознательного, находчивого.

Появляется и непосредственно политическая тема. Она находит отражение в стихотворениях Мая и Князева и в очерках, один из которых, например, очень эмоционально рассказывает о 9 января и о февральской революции.

Журнал поднимает целый ряд актуальных тем. В нем появляется много стихов, рассказов, очерков, говорящих о современности, рисующих жизнь советских людей. Журнал рассказывает детям и о гражданской войне, и об Октябрьской революции, и о 1905 годе. Есть и очерк о субботнике, отражающий новое отношение к труду. В стихотворении Князева «Сын коммунара», помещенном в последнем номере журнала в 1920 году, мать рассказывает маленькому сыну о его погибшем отце, который

...был солдатом-коммунаром
В великом девятнадцатом году.

Все это были, конечно, совершенно до этого невиданные и неслыханные в детской литературе явления: открытая политика, открытая партийность, большевистская пропаганда и первые картины современности — быта, жизни советских людей.

Таким образом, рассказы, стихи и очерки, печатавшиеся в «Северном сиянии», как бы намечают основные черты нарождающейся советской детской литературы. Особенно ярко они проявляются с конца 1919 года.

В журнале находит осуществление принцип идейности содержания и партийности в детской литературе.

Впервые прозвучала в детском журнале тема советского патриотизма, любви к Красной Армии.

По-новому осуществлен принцип народности: произведения пишутся и о народе и для народа, не для барчат, а для детей, которых Великая Октябрьская социалистическая революция спасла от судьбы их отцов, о детях народа, о детях трудящихся.

В журнале нашло отражение также новое отношение к труду, коммунистический принцип трудового воспитания. В рассказе о субботнике, «О том, что могут сделать народные массы», помещенном в одном из номеров 1920 года, показано то социалистическое отношение к труду, о котором говорил Ленин в своей статье «Великий почин».

Журнал осуществляет и линию интернационального воспитания. Рассказы об угнетенных прежде народах написаны не с позиций жалости, а показывают эти обманутые и угнетенные народы как достойные не только сочувствия, но и уважения.

В журнале проявляется и умение видеть в нашей жизни ростки нового в тот период, когда все было еще только в становлении.

Все это — именно те черты советской литературы; те новые пути советской литературы для детей, по которым в дальнейшем пойдет ее развитие.

Очень характерно, что за эти черты, за выдержанную политическую направленность и за актуальность тематики журнал подвергался резкой критике реакционных педагогов.

«Наиболее удачны в журнале вещицы, совершенно не затрагивающие злободневных тем; таковых, к сожалению, очень мало», — пишет журнал «Педагогическая мысль» и в заключение этой более чем холодной рецензии заявляет: «Так как этот журнал был единственным детским журналом в Советской России за последние годы, то он несомненно мог бы привлечь к себе лучшие силы, если бы не столь ярко сказавшееся в нем стремление подменить чистое искусство тенденциозным и даже агитационным»¹.

Журнал «Северное сияние» и его библиотека, выходящая в виде бесплатного приложения, несомненно являются начальным этапом советской детской литературы.

Но, конечно, журнал «Северное сияние» не был единственным очагом, где зарождалась новая литература для детей. Большая и интересная работа в этой области шла по всей стране. В разных городах и районах возникает в это время множество различных альманахов и журналов для детей, вокруг которых группируются и местные писательские кадры и читательский актив. Произведения для

¹ Журнал «Педагогическая мысль», № 1—2, 1922, стр. 81, 82.

детей печатаются наравне с произведениями для взрослых и часто не уступают им по качеству.

Так, в Новороссийске работают писатели Гладков и Фиш, которые позже при участии детского актива выпускают альманах «Красная звездочка», где помещено много любопытных, хотя и очень несовершенных по форме рассказов и очерков, отражающих жизнь советских детей.

С. Я. Маршак, живший тогда в Краснодаре, создает ряд детских пьес по мотивам русского фольклора, которые вошли потом в сборник «Театр для детей», изданный в 1922 году, а до этого ставились в Краснодаре на сцене.

Очень интересен и журнал «Красные зори», выходивший в 1919 году в Петрограде в течение очень недолгого времени. В этом журнале печаталась, правда довольно слабая, повесть Л. Кормчего о советской деревне тех лет, в которой большевик разъяснял юному герою политические события. Кроме того, в журнале печатались стихи на актуальные политические темы, был специальный отдел детского творчества: «Карандаш и перо».

В редакционном обращении журнала к читателям говорилось, что это «первая попытка открыть детям путь к ясному пониманию того великого, что совершается на земле, и первая попытка освободить детей от тлетворного влияния старой детской книги, погружавшей в мрак и рабство детскую душу»¹.

Собственно, это определение относится не только к работе журнала «Красные зори» — оно полностью подходит ко всей детской литературе того периода.

Так представляется состояние детской литературы в период гражданской войны и иностранной военной интервенции, в 1918—1920 годы.

Если в этот период мало еще создано для детей новых произведений, полноценных во всех отношениях, то основные принципиальные линии развития детской литературы уже намечены, найдены.

Именно в этом и заключается значение данного этапа в истории становления и развития советской детской литературы.

¹ Журнал «Красные зори», № 1, Пгр., 1919.

Цена 65 коп.

Ответственный редактор С. Любимова. Художественный редактор
О. Демидова. Технический редактор Т. Добровольнова. Корректоры
С. Локшина и А. Яснинская.
Сдано в набор 7/1 1953 г. Подписано к печати 8/IV 1953 г. Формат 84 × 108 $\frac{1}{4}$ —
0,69 бум. = 2,28 п. л. (2,19 уч.-изд. л.). Тираж 10 000 экз. А01249. Заказ № 12.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сушеvский вал, 49.